

Виктор КОНЯЕВ

ФЛАГМАН В МЕТАЛЛОЛОМЕ (Заметки неравнодушного)

С 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года на КМК выплавили около 6 миллионов тонн чугуна, более 8 миллионов тонн стали, более 5 миллионов тонн проката. Каждая третья тонна чугуна, каждая четвёртая тонна стали и проката, полученные в эти годы страной, были произведены кузнецкими металлургами. Из кузнецкого металла было сделано 50 тысяч танков, то есть каждый второй, 45 тысяч самолетов, 100 миллионов снарядов – почти половина всех изготовленных за войну. В знак выдающихся заслуг перед Родиной четыре знамени Государственного Комитета Оборона были оставлены на вечное хранение в цехах комбината: доменном, первом мартеновском, среднесортном и ТЭЦ. За годы войны металлурги КМК освоили выплавку 70 новых марок стали, провели 1 973 скоростные плавки. Дали Родине сверх плана 270 тысяч тонн чугуна, 180 тысяч тонн проката. Из всех предприятий чёрной металлургии только КМК был награждён орденом Кутузова I степени, полководческим орденом.

* * *

Летом 1927 года далеко-далеко от западно-сибирской глухоманной дремухи, в Центральной России, жизнь уже начинала «побулькивать», как водичка в котелке над костром, – большевики круто разворачивали страну, направляя её в неизвестное, однако такое манящее будущее. Но в России-матушке, с её невообразимыми просторами, волны от событий, случившихся в столичных городах, до окраин идут долго-долго, затухая в горах, лесах и болотах.

Так что даже в конце лета того знаменательного года жизнь в Кузнецке, невеликом провинциальном городе, текла тихо и размеренно. Нет, конечно же, в окрестных деревнях и селах создавали ТОЗы (товарищества по обработке земли) – прообразы колхозов, нэпманов разных начинали прищучивать, работали пивоваренный и спиртовой заводы и прочие небольшие фабрики. А вот ребятня по-прежнему ловила в речке Конобенихе хариусов и даже стерлядок, заходивших из Томи. И никто из жителей Куз-

нецка вообразить себе не мог, что через пять лет в городе уже будет работать большой завод и жизнь у них совершенно изменится. Об этом знал товарищ Сталин со своими единомышленниками. Они готовили программу преобразования России. Глубокой осенью того же, 1927, года в Кузнецк стали приезжать рабочие – началось большое строительство. Поэтому, когда Сталин на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности сказал свои знаменитые слова: «Мы отстали от передовых стран на пятьдесят – сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», он не бросался словами. Конференция состоялась в феврале 1931 года, к этому времени уже вся страна стала огромной стройкой, и сделано было немало, следовательно, Сталин озвучил конкретную программу, продуманную, взвешенную и совершенно точно выполнимую. Он знал, что в далёкой Сибири, на земле Кузнецкой, невиданными темпами возводится перенец сибирской индустрии, Кузнецкий металлургический завод, позднее комбинат, и что через год с небольшим страна получит сибирский чугун и сибирскую сталь.

И 3 апреля 1932 года первая доменная печь выдала чугун. Комбинат практически полного цикла был построен за тысячу дней!

Так строили тогда всё: ДнепроГЭС, Харьковский тракторный завод, Сталинградский, Комсомольск-на-Амуре, так после войны восстанавливали разрушенное, а потом возводили великие сибирские гидроэлектростанции.

За всю историю земной цивилизации не было подобных примеров созидательного труда. Что же послужило толчком к такому взрыву человеческой энергии, к могучему всплеску духа народного? Ответ очевиден и однозначен – советская, народная власть. Именно она раскрепостила трудового человека, уничтожив эксплуатацию человеком ближнего своего, этого гнуснейшего инструмента частной собственности, который низводил личность до уровня орудия труда, до рабочего скота.

При капиталистическом способе производства трудовой человек никогда не сможет полностью раскрыть свои физические, творческие и духовные способности, над ним постоянно довлеет осознание несправедливости существующего порядка вещей, при котором он, единственно создающий своими руками материальные ценности, всегда будет лишь источником дохода для своего хозяина, презираемым быдлом, а в случае болезни или увечья моментально станет ненужным и выброшенным с предприятия.

Ни принуждение, ни высокая оплата труда не способны превратить работника в творца. **Дух не подвластен ни кнуту, ни злату.**

Партия большевиков ликвидировала частную собственность, создала общегосударственную, но это был только первый шаг в грандиозном плане переустройства всей страны. Во второй половине 20-х годов, когда перед Россией, которая едва начала оклёмываться после почти десятилетнего лихолетья войн и революций, и встал вопрос быстрой модернизации народного хозяйства как единственной возможности выжить во враждебном окружении, едва ли кто в полной мере понимал, какую энергию высвободила революция. А задача стояла невообразимой сложности: нужно было создавать новые отрасли промышленности при ограниченных ресурсах и нехватке специалистов, необходимо было также заселять и осваивать Сибирь и Дальний Восток, иначе существовала реальная угроза потерять огромные территории, малонаселённые, труднодоступные и с суровым климатом.

Осенью 1927 года на строительство Кузнецкого комбината начинают набирать рабочих. Большевики смотрели далеко в будущее. В земле Кузнецкой давно уже были разведаны гигантские запасы угля, а позже нашли прямо под боком, в Горной Шории, железную руду, то есть открывалась возможность создать основу будущего промышленного района, на базе которого легче осваивать и более отдалённые восточные территории.

Немаловажным обстоятельством являлась удалённость нового индустриального центра от возможного театра военных действий на западе.

Что война неизбежна, советское руководство во главе со Сталиным знало и учитывало вероятность возможного отступления даже до Урала. В таком случае металлургический завод в центре страны даже при худшем развитии военных действий обеспечивал бы государство необходимым прокатом.

Говоря о первостроителях сибирского гиганта, нельзя обойти вниманием Ивана Павловича Бардина, потому что без него, главного инженера Кузнецкстроя с 1929 по 1937 год, комбинат мог бы вообще не состояться, по крайней мере, не вышел бы на такую мощность, какой он достиг к 1936 году. Буквально на первой стадии строительства Иван Павлович принял очень важное решение, коренным образом изменившее судьбу строящегося завода. Он изменил технические условия проекта, подготовленного американской фирмой.

По его инициативе и его волей построили плотину на речке Конобенихе и отвели её по каналу в другое русло, этим увеличили площадь завода, стало возможным удобнее скомпоновать цеха, заложить новые, не предусмотренные старым проектом, и этим увеличить проектную мощность с 400 тысяч тонн чугуна в год до 1,5 миллиона тонн. Он на свой страх и риск возводил даже основные цеха без ут-

верждённого в высших инстанциях плана, сокращая время строительства.

В 1932 году за внедрение новых принципов в строительных технологиях и за технические разработки Бардина избрали академиком, позднее он стал вице-президентом АН СССР. Иван Павлович – лауреат двух Сталинских премий, Ленинской, Герой Соцтруда. Вот такие люди создавали сибирскую промышленность.

1 мая 1930 года строители заложили фундамент первой доменной печи, и, как уже было сказано, 3 апреля 1932 года она выдала чугун. Одно предложение, две даты, а между ними? Между ними труд десятков тысяч людей, тяжёлый, часто непосильный, но такой необходимый. Так что же двигало людьми, работающими в тяжелейших условиях, живущими в засыпушках, землянках и бараках, что заставляло их ставить трудовые рекорды? Не деньги же, они были не такие уж и большие.

А вот та самая высвобожденная энергия человека, созидющего своё, близкое сердцу государство.

Энергия созидания на благо народа, энергия общего дела есть энергия Божественная, и только она способна творить чудеса трудовых достижений. Эта энергия и сотворила социалистическое соревнование, дотоле неизвестный движитель труда. До этого времени мир знал лишь конкуренцию, при которой ради победы над соперником можно пойти на хитрость, обман и подлость, а наградой будет успех, слава и деньги. И вдруг оказалось, что можно достичь неизмеримо больших результатов в человеческой деятельности, если делаешь то, что нужно не тебе одному, а многим, и даже всему народу, и считаешь того, с кем соревнуешься, не противником, не соперником, а товарищем, которому, если он отстал, надо помочь, научить и поддержать. Именно так работали строители КМК и города и именно о них написал Маяковский: «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвесть, когда такие люди в стране Советской есть». Сейчас, в период реставрации капитализма, когда нас снова приучают к волчьим законам конкуренции, объявляя их главной движущей силой прогресса, стало модно насмехаться над соцсоревнованием. Но при этом стараются не вспоминать о том, что всё, чем живёт ныне РФ, построено, создано, воздвигнуто на советском энтузиазме, на социалистическом соревновании.

У нас в Новокузнецке в годы советской власти трудовые подвиги строителей КМК никогда не забывали, школьникам рассказывали о героях тех лет, показывали фильмы, есть музей, в котором собраны документы и экспонаты.

Всё это было замечательно, но постепенно государство богатело, материальная сторона жизни всё больше привлекала людей, герои-первостроители

бронзовели и уходили в область легенд, а многие стали относиться к ним иронично-снихождительно.

По младости лет и автор этих строк был среди тех, кто с усмешкой слушал рассказы стариков о великих делах далёкой эпохи. Но однажды жизнь очень наглядно показала, что такое трудовой подвиг.

После окончания школы я поступил в Томский государственный университет, и летом 1970 года мне посчастливилось (именно так) участвовать в строительстве города нефтяников Стрежевом, в составе университетского стройотряда. Это была всесоюзная студенческая стройка, в ней приняли участие стройотряды из Москвы, Ленинграда, Казани, Уфы и других городов СССР, всего нас было там около двух тысяч студентов.

Наша бригада выполняла в основном бетонные работы. На Севере, как известно, летом белые ночи, надо было быстрее бетонировать короба теплотрассы, поэтому рабочий день у нас иногда заканчивался и в девять вечера, а то и позже, заработать тоже хотелось побольше, увы, материальная заинтересованность становилась уже ощутимой, хотя и не занимала ещё главенствующего места.

«Пахали» мы как бешеные, а с нашим бригадиром, по прозвищу Коля Гроба-Мать, взрослым мужиком, кандидатом химических наук, иначе было невозможно – он рвал свои жилы и нас подгонял, и выдали мы в одну из смен 120 замесов. У нас тоже было соцсоревнование, и мы были горды своим результатом, тем более что о нём сообщила наша отрядная стенгазета. В один из дней наше звено из четырёх человек поставили выкапывать яму под отстойник. Поработали мы и сели перекурить, кто-то из парней включил транзисторный радиоприёмник. Сидим, курим, негромко переговариваемся, из приёмника льётся музыка, и вдруг началась передача о строителях КМК. Сначала мы слушали вполуха, а потом услышали то, что нас просто шокировало. Диктор сказал, что на строительстве объекта, не помню точно, какого, бригада такая-то выдала за смену, точно не вспомню за давностью лет, но какую-то совершенно немислимую цифру, 200, что ли, замесов. Все стихли, поражённые услышанным. Мы потом обсуждали сообщение и спорили. Нам не хотелось в это верить. Как это так, мы, здоровые молодые парни, которых кормят, как племенных бычков, подвозят к месту работы на «Уралах», с работы увозят, выдали 120 замесов, и это было близко к пределу наших сил! Может, у тех строителей боёк был меньше, но навряд ли, он оптимального объёма уже, наверное, сотню лет – 0,33 куба. Тогда почему уж точно не досыта питавшиеся мужики, многие, скорее всего, и не отличавшиеся отменным здоровьем, смогли сделать так много? А если это были комсомольцы, то всё равно условия жизни и труда у них были несравнимо хуже. Может, привычка

у них больше было? Да мы за месяцы бетонных работ довели свои действия до автоматизма, у нас готовый замес вылетал из бойка за пять–шесть минут. Нет, тут дело в чём-то другом.

И лишь когда мы покидали город, мне стало приходить понимание. По городу мы ехали по дороге, нами построенной, на «Уралах», украшенных зелёными ветками, в стройотрядовской зелёной форме, а жители стояли на обочинах дороги (казалось, что вышел весь город) и прощально махали нам руками, женщины плакали. Они благодарили нас за построенную поликлинику, за школу, за теплотрассу, за наш труд. Мы видели, что благодарность жителей была от чистого сердца, и это наполняло наши сердца любовью к ним. За такое не жалко ни труда своего, ни здоровья. А если вся держава благодарит тебя, вся великая Родина, которую ты создаешь, укрепляешь и украшаешь трудом своим?! Нет тогда предела человеческим возможностям.

* * *

Все предвоенные годы КМК вводил в строй новые производства, увеличивал мощности, рос и креп. В 1930 году в городе открыли Сибирский металлургический институт (СМИ), он начал готовить инженерные кадры для комбината и заниматься наукой. Рос и город, строились целые улицы современных благоустроенных домов. Между прочим, даже сейчас, много лет спустя, дома, особенно построенные в послевоенные годы, сталинские, как называют их жители, очень ценятся, потому что они удобны для жизни, с высокими потолками, большими и светлыми комнатами, а главное, они построены очень качественно, на века.

С самого начала строительства город и комбинат существовали нераздельно, без КМК Новокузнецк, потом Сталинск, потом снова Новокузнецк, так и остался бы захолустным городишком, но и комбинат построить без опоры на приличный населённый пункт было гораздо труднее. Это нераздельность сохранялась все годы советской власти.

А потом пришла война, и КМК встал в боевой строй. На комбинате делали броню для танков. Можно подробно рассказать, с цифрами и фактами, о вкладе рабочих и инженеров КМК в общую Победу, а можно просто перечислить награды комбината тех лет:

орден Трудового Красного Знамени – 1943 год,
орден Ленина – 1943 год,
орден Кутузова I степени – 1945 год.

Два ордена в один год, да какой год – 1943-й! Курская дуга, разгром немцев! В том году награды незаслуженно не вручали, тем более орден Ленина – высшую награду СССР. Значит, кузнецкая броня была крепка и тридцатьчетвёрочки, одетые в неё, крушили немецкую технику замечательно.

День Победы поколение, пережившее и перемоловшее войну, помнит и чтит особо. Помнит по вкусу слёз на губах, горьких от потерь и сладких от счастья великого общего праздника. Помнил и мой дядя, а теперь помню я и передам эту память своим детям и внукам. Дядя Степан в этот день ехал на трамвае недалеко от заводоуправления, и вдруг звук гудка проник в вагон трамвая, он становился громче, сливался с другими, заполнил всё пространство, рвал и уши и нервы. Внезапно трамвай остановился, люди стали выскакивать из вагона и побежали к площади у заводоуправления. А там уже колыхалась огромная масса и, нахлестываясь на рёв гудков, нёсся слитный крик, даже не крик, а исторгаемое из людских сердец ликование: «По-о-бе-е-да-а!!!». Люди пели, смеялись и плакали. И не мог до конца дней своих забыть дядя Стёпа старого мужика с глубокими бороздами морщин на лице и каплями слёз в бороде. В руке у мужика была кирзовая сумка, в ней позвякивала гранёная стопка на бутылке. И слова мужика никогда не забудет, слова среди общего праздника, негромкие, но бьющие под дых: «Люди добрые, помяните четырёх сынов моих погибших, люди добрые!». Обрушилась плотина, державшая чувства людские, и хлынули они половодьем, затопляя рабочий город выстрадавшим, на горе настоящим счастьем. На-завтра опять будет труд, будут те же невзгоды, но Победа душу греет, и всё теперь по силам, всё преодолимо.

С 1939 по 1953 год директором комбината был Роман Васильевич Белан. Хозяин, как большинство из когорты сталинских директоров военных лет. Не в смысле хапуга, как это нынче понимают, а как заботливый глава семьи. Ему, директору огромного комбината, в состав которого, кстати, входили шахты города и рудники Горной Шории, приходилось решать задачи не только государственного масштаба, но и заниматься вопросами жилья и быта рабочих, особенно в войну. Такими, например, как обеспечение валенками подростков, заменивших у станков своих отцов; изысканием возможности подкормить ребятишек в школах и детсадах, постройкой общежития для рабочих.

В 1960-е годы мы, пацаны окраины, ходили летом «попасться» на полях пригородных совхозов. К полудню, набегавшись от объездчиков и набрав полные запазухи плодов земли, шли на белановские пруды. Их было несколько, располагались они один ниже другого и разделялись дамбами. К тому времени пруды забросили, они заросли по берегам осокой и камышом, часть водной поверхности затянуло ряской, но там водились великолепные, с густым медным отливом караси. Мы ловили их куском марли, как бредешком, попадались иногда разме-

ром с добрую мужскую ладонь, поджаривали на прутиках и утоляли здоровый мальчишеский голод. В этих прудах разводили рыбу для рабочих комбината, и память горожан сохранила доброе имя директора.

Это одна сторона деятельности Р. В. Белана. Но была и другая. Научная и инженерная. Под его непосредственным руководством в самом начале войны комбинат успешно освоил выпуск броневое проката, то есть брони для танков Т-34, а дело это весьма непростое, причём за военные годы качество проката постоянно повышалось. Кроме этого, освоили снарядный легированный прокат и изготовление снарядных гильз.

В 1941 году Роман Васильевич награждён орденом Трудового Красного Знамени, в войну же ему вручили два ордена Ленина, а всего орденов Ленина у него четыре.

Белан – лауреат двух Сталинских премий II степени, в 1947 и 1949 годах, за конкретные научные достижения. Сталинская премия 1947 года – за разработку и внедрение скоростного метода реконструкции доменных печей. Кто хоть немного знаком с металлургией, понимает всю важность решённой задачи. Реконструкция домны – это практически строительство новой печи и воздухонагревателей, а основная задача при этом – увеличение объёма печи. Реконструкция занимает до 90 дней, и сокращение сроков означает возможность дополнительно получить десятки, если не сотни тысяч тонн чугуна.

Окончилась война, можно было бы смягчить надрывный ритм жизни и работы, но западная часть государства лежала в руинах, прокат нужен был, как хлеб. И КМК давал его, он оставался в строю, трудясь и на обороноспособность Советского Союза. Не зря во всех планах бомбардировок американцами важнейших центров СССР, рассекреченных в настоящее время, неизменно присутствовал Новокузнецк. В Пентагоне дураков не держат, и там отлично понимали: **уничтожь флагманы – и экономика противника рассыплется.**

Человеческую цивилизацию подмораживала «холодная война», которая в любой момент могла стать горячей. И мы должны быть очень сильными, чтобы этого не допустить. Народ всё понимал и работал в режиме предвоенных пятилеток.

Когда строили комбинат, один высокий, длинный холм не стали убирать, видимо, это было очень затратно по средствам и по времени, пробили под ним тоннель. Где-то в середине шестидесятых я, тогда юный паренёк, однажды ранним утром добирался от родственников из затоннельной части города, где народ всё ещё жил в основном в бараках,

к заводоуправлению, там мне надлежало сесть на трамвай. Тоннель длинный, метров, наверное, четырёхста, успел пройти примерно половину пути, – и вдруг навстречу плотные ряды рабочих: пошла смена. Пришлось прижаться к колонне, чтобы не мешать, стоял и смотрел. Была осень, не близкая к лету, а поближе к зиме, хмурая и зябкая. Рабочие в ватниках, суконных куртках, кепках, редко в фуражках, женщин немного. Неулыбчивые, суровые лица в жёлтом свете электрических лампочек. Слева – проезжая часть, отгороженная от пешеходной дорожки частыми бетонными колоннами, по ней с грохотом проезжали МАЗы, а гулкое эхо жутковато его усиливало. Часть рабочих сворачивала в ответвления, ведущие к проходным, остальные шли дальше. Не помню точно, сколько тогда пришлось пережить людской поток, но долго. Виденное запомнилось навсегда, но продолжительное время не осознавал почему. Много позже, повзрослев и чутко поумнев, понял настоящий смысл увиденного. Тогда мне, мальчишке, рабочие показались угрюмыми, недовольными, невыспавшимися. На самом деле мужики шли со-сре-до-то-ченные, настроенные на тяжёлый, но необходимый труд. И готовые так же идти в солдатском строю, если враг опять нападёт на Родину.

* * *

Сибирский металлургический институт готовил инженеров-металлургов и, опираясь на реальное производство, занимался научными изысканиями. Такое сотрудничество всегда было плодотворным, благодаря ему на комбинате постоянно внедряли новые технологии, а СМИ, можно сказать, создавал свою научную школу.

В 1971 году КМК наградили орденом Октябрьской революции именно за то, что он всегда был в числе передовых предприятий отрасли по внедрению новых технологий. К 1985 году, к началу антисоветской истории России, КМК представлял собой огромный сложный живой организм, в котором все органы работали отлаженно, в едином ритме.

За десятки лет родились и окрепли производственные традиции, воспитались рабочие династии. Был свой Дворец культуры и очень высокого уровня творческие коллективы. Комбинат содержал детские садики, спортивные секции, дома отдыха и санатории, были даже свое ПТУ и собственный совхоз. Фактически КМК всегда являлся даже не градообразующим предприятием, а регионообразующим производственно-хозяйственным комплексом, в последние годы вместе с ЗСМК, ибо на него была завязана жизнь всего Западно-Сибирского региона. Конечно, со вводом в эксплуатацию Запсиба роль КМК существенно снизилась, но оставалась ещё весьма значимой.

Горько вспоминать, как великий комбинат рвали друг у друга вдруг объявившиеся «бизнесхренны». Им не было дела до рабочих, до производства, им хотелось заполучить рентабельное предприятие, чтобы выкачивать из него как можно больше денег на свои счета. Сбрасывалась вся социальная сфера: детские садики, дома отдыха и санатории, подшефные школы, спортивные секции. Комбинат начал хиреть, ибо нарушились связи со смежниками и поставщиками, не вкладывались средства в модернизацию. КМК попросту убивали под шум публичных дряг и судебных разбирательств. Сейчас мы понимаем, что его уничтожали целенаправленно по заданию американских советников, они стояли за всеми этими временщиками-хозяйчиками.

Уничтожь флагманы – и экономика противника рассыплется.

Не один год комбинат просто резали на металлолом, сначала мартены и доменные печи, потом коксовые батареи, электросталеплавильный цех, прокатные станы и многое другое. А город, который был неразделим с комбинатом, начал впадать в депрессивное состояние, как человек, у которого отняли волю к жизни. И самое страшное даже не в том, что он лишался денег в бюджет, а жители – рабочих мест, самое страшное было в моральном плане, потому что у людей происходил душевный надлом, когда они видели, как гордость города да и всего государства продают и покупают барыги, словно мешок картошки на базаре, как кромсают мартены и домы, которые спасали Родину в лихую годину. Спора нет, к концу 1980-х некоторые технологические линии комбината устарели, вредное производство с выбросами дыма, пыли и сажи прямо в центре города надо было либо закрывать, либо глубоко модернизировать, но деньги вкладывать никто не хотел. Модернизировать можно было и нужно, на мощной технологической производственной базе при наличии научных, инженерных и рабочих кадров высокой квалификации вполне по силам было создать предприятие самого современного уровня и выпускать высокотехнологичную востребованную продукцию. Ведь не за угождение начальству, а за трудовые подвиги с 1949 по 1988 год 31 труженик КМК стал Героем Соцтруда.

Давайте познакомимся с двумя из них, чтобы попытаться понять, что это были за люди.

Борисов Кузьма Алексеевич. Родился в 1901 году в селе Старая Буда Чаусского района Могилёвской области, тогда губернии. С 1919 по 1923 год воевал за советскую власть на фронтах Гражданской войны. В 1932 году по путёвке комсомола приехал строить сибирский завод из Днепродзержинска, где тоже работал на заводе. За годы прошёл путь от рядового сварщика до высоко-

127

квалифицированного старшего сварщика по нагреву металла в рельсобалочном цехе на нагревательных печах. Неоднократно избирался секретарём партбюро цеха. Кузьма Алексеевич – почётный металлург, кавалер ордена Ленина (1949), награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1958 году за выдающиеся успехи в труде Борисову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Буркацкий Михаил Васильевич. Родился в Днепропетровской области, в деревне Карнауховка Каменского района. В 1932 году приехал в Кузбасс, устроился сталеваром в первый мартеновский цех КМК. За 36 лет работы у мартена Михаил Васильевич сварил более 3 миллионов тонн стали, её хватило бы на изготовление 150 тысяч тракторов. За 1956–1957 годы на печи, где он работал, была достигнута наивысшая производительность труда среди однотипных печей не только комбината, но и всего Советского Союза. Михаил Васильевич – кавалер ордена «Знак Почёта» (1943), двух орденов Ленина (1943, 1949). В 1958 году за выдающиеся успехи, достигнутые в деле развития чёрной металлургии, Михаилу Васильевичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Ещё об одном человеке просто не позволительно не вспомнить. Я уже говорил о том, что в самом начале войны комбинат успешно освоил выпуск броневго проката. Так вот, этот человек имел к нему самое непосредственное отношение.

Сталевар **Чалков Александр Яковлевич.** Кузнецкие металлурги в самые кратчайшие сроки разработали и внедрили выплавку броневго металла в 185-тонных мартеновских печах. Это была настоящая технологическая революция в металлургии. В третьей декаде декабря 1941 года дали плавку. Сталевару А. Я. Чалкову в 1943 году была вручена Государственная премия за достижение высоких показателей при выплавке высококачественных сталей. Чалков написал заявление на имя Верховного главнокомандующего с просьбой перечислить 20 процентов (25 тысяч рублей) в особый фонд на производство оружия; изготовленные на эти деньги автоматы вручали солдатам Сибирской добровольческой дивизии. Командир прославленного соединения своим приказом присвоил Чалкову звание «Почётный гвардеец». Чалков дважды награждён орденом Ленина и другими орденами и медалями.

Нам, ныне живущим, из нашего «потреблянского» рая почти невозможно понять людей той героической эпохи – практически другая цивилизация, другие законы жизни, иная мораль. Но если бы не было таких людей, то и России могло бы не быть совсем.

А с одним из ветеранов КМК мне довелось лично побеседовать, точнее, даже с двумя. Номер телефона Зайкиных мне дали в городском комитете

КПРФ. Позвонил, договорился о встрече и поехал. Хрущёвка в центральном районе города, пятый этаж, дверь открыл высокий худощавый мужчина, язык не поворачивается назвать его стариком, так молодожаво он выглядит, хотя ему 91 год. Стеснительная улыбка: «Проходите». В узкий коридорчик вышла его жена, совсем хуленькая, с тонкими ручками и сильно изморщиненным лицом, Нина Сергеевна, она моложе своего супруга года на полтора. Живут вдвоём в малометражной «трёшке», сын проживает в Новокузнецке, а вот дочь давно отбыла за Урал, там у неё семья, туда же переместились и внуки, сыновы дети. Деда по этому поводу очень переживают, их спасает общение с людьми, с теми, кто их не забыл. А их не забыли, Николая Силантьевича постоянно приглашают на встречи с людьми, которым небезразлична история родного города.

Зайкин Николай Силантьевич, имя которого занесено в Книгу почёта КМК, проработал на комбинате более 50 лет. История его семьи – это история Советского Союза. Родился он в мае 1926 года в Томской губернии, в деревне Тюнярь. Отец вернулся с империалистической войны инвалидом, в 1918 году вступил в партию большевиков, участвовал в Гражданской войне. В 1928 году их дом в деревне сожгли кулаки, позже семья уехала в Томск, где отец работал парторгом на мясокомбинате. Когда началась коллективизация, отца направили в село председателем колхоза. Время было такое – куда партия приказывала, туда и шли большевики. В начале войны старшего Зайкина партия мобилизовала в Сталинск, на шахту «Бунгурская», сначала запальщиком, а потом, учитывая инвалидность, на конторскую работу.

Николай перед войной окончил семь классов, и в 1942 году его определили в ремесленное училище, учиться на электрика. Николай Силантьевич глуховат, это его сильно стесняет, поэтому он виновато улыбается, когда супруга очень нетихо просит меня говорить погромче. Но, когда рассказывал, как однажды его в числе нескольких учащих за отличную успеваемость наградили хромовыми сапогами, улыбка была иной, ему до сих пор приятно.

В 1944 году Зайкина призвали в армию, новобранцев уже доставили на вокзал, эшелон готов был к отправке, когда внезапно всех рабочих КМК велено было вернуть по домам. Оказывается, это директор КМК Р. В. Белан своей волей отменил приказ военкома, потому что на комбинате не хватало специалистов, был под угрозой срыва план военных поставок. В 1945 году Николай поступил в техникум на вечернее отделение по своей специальности, там он познакомился с будущей женой, девушкой Ниной. Немало лет Николай Силантьевич проработал в цехе сетей и подстанций, поднимаясь по служебной лестнице. Был недолгий период в его жиз-

125

ни, когда он находился на профсоюзной и партийной работе, но комбинат звал, и через четыре года Николай Зайкин вернулся на прежнюю работу. С 1983 по 1985 год вместе с женой Зайкин работал в Турции, помогали местным специалистам осваивать советское оборудование на комбинате в городе Искандерун. Вышел на пенсию в 1997 году, когда ему было уже за 70, но ещё полтора десятка лет трудился на посту председателя совета ветеранов цеха. Нина Сергеевна тоже проработала на КМК 40 лет.

Мы снова стояли в тесном коридорчике, никак не могли расстаться, всё говорили и говорили. На прощание Николай Силантьевич подарил мне небольшую шкатулку собственной работы.

Но, как уже говорилось, стояла задача уничтожить флагманы.

Позже в город пришла ЕВРАЗ, международная компания с амбициями транснациональной корпорации. Настоящие хозяева «Evraz Group» где-то за рубежом, они из орды новых кочевников, которые рыщут по миру, скупают прибыльные заводы, выкачивают из них всё что можно, а потом продают.

Сейчас КМК под новым названием входит в ЕВРАЗ, общая численность работников предприятия – около 14 тысяч человек (в добрые времена только на ЗСМК работало до 40 тысяч человек). Из действующих производств на КМК осталось немного: рельсобалочное, один электросталеплавильный цех, участок шаропроката, осколок некогда знаменитого эмалищеца, где выпускали прекрасную эмалированную посуду и кое-что ещё по мелочи.

Деньги в развитие комбинатов владельцы вкладывают по минимуму, лишь на самое для них необходимое. Запсиб и КМК постоянно ужимают, людей

сокращают тоже постоянно под лукавым термином «оптимизация», а Новокузнецк не в состоянии выйти из депрессии. Люди уезжают из родного города, многие – в Новосибирск, а иные – в южные края. В депрессии оказался не только Новокузнецк, а и весь юг Кузбасса (и даже шире – Западная Сибирь), оттого, что вся экономика её «питалась» металлом новокузнецких комбинатов.

Городом уже немало лет руководят не избранные жители, коренные новокузнецчане, любящие свой город, а назначенцы области, по сути, наёмники, наживающие себе управленческий капитал и не забывающие о капитале материальном. При действующем градоначальнике город попал в кабалу к частным банкам, заимствовав у них средства для исполнения бюджетных обязательств. Дальнейшая судьба большого города Новокузнецка, если не принимать действенных мер, печальна, его ждёт медленное умирание и превращение опять в мелкий провинциальный городок, а вместе с ним погибнет и юг Кузбасса. Собственники комбинатов основную и большую часть продукции отправляют за рубеж, им нужны доллары, на нужды народного хозяйства идут крохи, потому что нет государственного заказа, значит, нет и развития.

Знаменитый СМИ сейчас называется СибГИУ, то бишь университет, но лучше от этого ему не стало. ЕВРАЗу наука не нужна, на ЗСМК количество марок выпускаемых сталей сократили до минимума, оставили лишь самые ходовые, применяемые в строительном прокате. По словам преподавателей самого СибГИУ (тех, которые не разучились думать и сохранили остатки совести), университет уронили до уровня ПТУ, а вместо науки там её симуляция.

Так и живём в стране, оккупированной частной собственностью.

г. Новокузнецк